

УДК 55 (092)+9(С)27

СВЯЗИСТ НА ПЕРЕДОВОЙ

О.Ф. ВАСИЛЬЕВ

*Институт водных и экологических проблем СО РАН, Новосибирский филиал,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. Воспоминания действительного члена Российской академии наук, крупного ученого в области прикладной гидродинамики и гидравлики О.Ф. Васильева об участии в боях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: О.Ф. Васильев, академик РАН, геология, Великая Отечественная война, воспоминания.

К началу войны я жил с родителями в старом московском районе на улице Бауманской. 22 июня 1941 г. я и услышал из выступления В.М. Молотова весть о нападении Германии на нашу страну. Отец за несколько дней до начала войны был мобилизован в армию и к удивлению всей семьи неожиданно появился дома в военной форме с двумя шпалами в петлице. Позже я узнал, что он оказался в числе представителей старшего офицерского состава, находившихся со времен гражданской войны в отставке и мобилизованных по специальному распоряжению Генерального штаба Красной Армии: Московскому военному округу было поручено сформировать штаб Южного фронта.

23 июня я неожиданно получил записку от отца. Она была доставлена незнакомым мне человеком. Отец просил меня срочно приехать на товарную станцию Киевского вокзала, где стоял эшелон, готовый к отправке на Украину в г. Винницу. Там происходило формирование штаба фронта. Вечером того дня я попрощался с отцом, с тех пор я его больше никогда не видел. Будучи штабным офицером фронта, в конце июня отец был направлен в командировку в район г. Умани, где, по-видимому, и оказался в немецком окружении вместе с частями 6-й и 12-й армий. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Первый авиационный удар по Москве немцы осуществили в июле, ровно через месяц после начала войны. Сначала, в летних ночных бомбардировках, немцы использовали преимущественно термитные зажигательные авиабомбы. Зачастую утром оказывалось, что в некоторых местах земля была буквально усыпана остатками хвостовых оперений бомб. Поэтому противопожарная защита домов приобрела первостепенное значение.

В июльские и августовские ночи 1941 г. в составе местной команды противовоздушной обороны я дежурил возле ящиков с песком, установленных на чердаке нашего дома. Мы ловили немецкие зажигательные бомбы с

помощью специальных щипцов с длинными рукоятками. Очевидно, что район Бауманской улицы вызывал у немцев повышенный интерес и был важной целью при бомбардировках, поскольку здесь находился Центральный аэродинамический институт (ЦАГИ) и другие научно-исследовательские и конструкторские организации. Скажу как очевидец, что эффективность немецких бомбардировок Москвы летом 1941 г. была не слишком высокой. Меры по предотвращению пожаров, примененные москвичами, оказались гораздо более эффективными.

Наступила осень. С каждым днем обстановка в Москве и на подступах к столице становилась все более острой. В начале сентября занятия в школах начались как обычно. Однако вскоре они были прерваны, и учащиеся старших классов, в том числе и я, вместе с учителями были направлены на уборку урожая на

поля подмосковных районов, в частности, под Волоколамск, к которому неумолимо приближался фронт. Об этом свидетельствовала отдаленная артиллерийская канонада в последние дни нашей работы под Волоколамском.

По возвращении учащихся в Москву в конце сентября – начале октября занятия в школах были возобновлены, но лишь на короткий период. Вскоре они были прекращены на неопределенный срок. Я нашел себе работу на одной из крупных городских овощных баз в Сокольниках, где как чернорабочий обеспечивал очень простые, но нужные тогда, противопожарные мероприятия (целыми днями я разматывал пожарные шланги, заполнял бочки водой и выполнял другую подобную работу).

Фронт неумолимо приближался к Москве, критическая ситуация сложилась уже в середине октября. При бомбардировках немцы стали использовать преимущественно фугасные бомбы; даже на Арбате появились руины, был разрушен Вахтанговский театр. 16 октября 1941 г. – памятный день для москвичей. Из-за обострения обстановки на фронте в городе началась ликвидация архивов (сжигались документы), проводилась эвакуация сотрудников некоторых остававшихся в Москве важных учреждений. Населению неожиданно были выданы по карточкам мука и некоторые другие продукты в довольно значительных по тем временам количествах, что, очевидно, и спровоцировало в городе панические настроения. Создавалось впечатление, что город готовится к сдаче. Начался массовый уход и отъезд населения из Москвы по дорогам, ведущим на восток.

17 октября «в связи с приближением немецких войск к столице» к населению Москвы по радио обратился первый секретарь МК и МГК ВКП (б) А.С. Щербаков с целью успокоить население города. Но вряд ли его выступление действительно достигло цели и успокоило людей, тем более что руководители такого ранга тогда редко обращались к народу без особой надобности. В этот день в Москве было объявлено осадное положение с введением комендантского часа, военного патрулирования на улицах и тому подобными мероприятиями, в том числе по борьбе с распространением пораженческих слухов. Была объявлена массовая мобилизация трудоспособных граждан на строительство оборонительных сооружений.

Я также был мобилизован и вместе с другими жителями Бауманского района работал землекопом на южной окраине Москвы, на

сооружавшемся вдоль Каширского шоссе (к югу от него) участке 3-й линии обороны. Свой рабочий инструмент – совковую лопату – я освоил досконально. Без выходных и пересменок женщины, подростки и все, кто мог помочь родной столице, участвовали в создании противотанковых рвов, эскарпов, траншей и дзотов.

С наступлением холодов стало еще труднее. Ночевали мы в жилых домах, расположенных неподалеку вдоль Каширского шоссе, в квартирах, жители которых уже были эвакуированы. Работы были завершены лишь в ноябре, и мобилизованные были отпущены по домам. При пересечении границы Москвы военные патрули тщательно проверяли наши документы. Так же как и другие участники работ, я получил справку о том, что как боец строительного батальона «отпущен в бессрочный отпуск», и вернулся домой. Позже она была передана в военкомат для представления к медали «За оборону Москвы».

Спустя много лет, проезжая в аэропорт Домодедово по Каширскому шоссе, я узнал те дома, в которых мы жили во время работ. Совсем недавно эти дома, за исключением одного, были снесены, уступив место новым, но до сих пор в этом районе перед Борисовскими прудами можно видеть остатки до боли знакомых мне противотанковых рвов, дзотов и других фортификационных сооружений.

Замечу, что повторно на строительство подобных оборонительных сооружений я был мобилизован весной 1942 г. в числе учащихся так называемых экстернатов, в которых старшеклассники усиленно готовились к ускоренной сдаче школьных экзаменов. На этот раз нас направили на строительство оборонительных сооружений на севере столицы. Теперь их строили около Красногорска, вдоль Москвы-реки. Зимой немцы были отброшены от Москвы, но, очевидно, военная обстановка все еще оставалась напряженной.

Осенью 1942 г. (примерно в октябре-ноябре) на стенах домов появились информационные листки о призыве в армию лиц 1925 г. рождения. К этому времени я уже поступил на инженерный факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА) и по собственной инициативе вступил в комсомол. Но ходить на лекции и занятия мне пришлось недолго: в начале зимы студенты Тимирязевки были направлены на валку леса и заготовку дров в Подмосковье (мы работали у д. Черные Грязи недалеко от Ленинградского шоссе).

1 февраля 1943 г. я был мобилизован в армию и направлен во 2-е Московское военно-

пехотное училище в Филях, где по ускоренной программе готовили командиров взводов, младших лейтенантов. По общему мнению, это была подготовка младших лейтенантов на один бой, потому что в пехоте, где надо было поднять взвод в атаку, очень часто поднимавший в атаку погибал сам. Тем, кто попал на передовую в подразделения пехоты, предстояло пройти своего рода трагическую «лотерею»: из каждых трех двое были ранены, третий – убит, исключений практически не было.

Надо отдать должное, мы действительно получили в училище очень хорошую для пехотинцев военную подготовку, поскольку готовили нас по офицерской программе. Программа обучения была очень напряженная – и в классах, и тренировочная, были очень частые подъемы «в ружье», марши... Порой даже тогда, когда надо было доставить дрова с ближайшей станции к училищу. Засыпали уже под утро, спали считанные часы. Для ребят в моем возрасте это было нелегко, но почти все держались и учились старательно. Зимой мы жили в казармах, но уже в апреле были направлены в лагерь под Крюково, и с этого времени вплоть до отправки на фронт учеба шла в полевых условиях.

Уже с июня – июля курсантов стали постепенно группами отправлять в действующую армию на пополнение частей, которые к этому времени прошли тяжелые бои. Это был 1943г., в начале года закончилась Сталинградская битва, летом – Курско-Орловская. Я помню, когда нашу группу (это, по-моему, была уже последняя группа ребят рождения 1925 г.) привезли из лагеря под Крюковым в Лефортово, в перевалочные казармы, мы увидели первый салют в Москве в честь взятия Орла и Белгорода.

В августе большая группа курсантов, в которой находился и я, была направлена на фронт. В эти дни мне исполнилось 18 лет, получилось, что на фронт я попал восемнадцатилетним, тогда как многим моим товарищам и друзьям было только 17 лет.

Вечером одного августовского дня наша группа была отправлена на запад эшелоном с Рижского вокзала г. Москвы. Утром мы оказались в районе станций Оленина и Мостовая за г. Ржевом. Здесь мы узнали о том, что находимся в составе пополнения 97-й стрелковой дивизии, недавно вышедшей из боев на северном фланге Курско-Орловской дуги под г. Болховым и понесшей большие потери. Дивизия фактически формировалась заново, потери ее были столь велики, что в ней осталось

всего несколько десятков человек, в основном старшего офицерского состава. Дивизия входила в состав 39-й армии Калининского фронта, но вскоре была переведена в состав Западного фронта. После взятия Витебска 97-я стрелковая дивизия получила наименование Витебской и была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Я и группа моих товарищей по училищу были направлены во взвод связи 3-го стрелкового батальона 69-го стрелкового полка этой дивизии. Это не совсем соответствовало профилю подготовки, но надо сказать, что в училище нам была дана очень хорошая подготовка и по смежным военным специальностям, в том числе и тем типам связи, которые тогда применялись, особенно по проводной (телефонной) связи. Неудивительно, что нас направили в этот взвод, понимая, что мы быстрее освоимся.

Представление о том, что значит быть связистом на фронте, особенно на его передовой линии, можно получить, например, из прекрасного фильма «Баллада о солдате». Полевой телефонист на переднем крае обеспечивал связь между командным пунктом батальона, командирами рот и поддерживающими подразделениями: артиллерийскими, минометными и другими. Работать приходилось зачастую в одиночку, в полевых условиях, в непосредственной близости от противника, нередко на виду у него без какого-либо прикрытия. Пожалуй, самым опасным в работе телефониста на передовой был поиск мест обрыва телефонных линий (например, поврежденных при артиллерийском или минометном обстреле) и их устранение. Если прерывается связь, то, хочешь – не хочешь, надо вылезать из окопа, бежать или ползти вдоль линии связи в поисках места повреждения и тут же его устранять. Занятие не из самых приятных! Телефонисты, обслуживающие линию, в поисках повреждения двигались с двух ее концов навстречу друг другу, невзирая на опасность ситуации. Конечно, при этом можно было попасть и под огонь снайпера, и под минометный обстрел, ведь немцы прекрасно понимали, чем занимаются телефонисты, и всячески препятствовали восстановлению связи. Я был помощником командира взвода связи. Должен заметить, что при отправке на фронт нам не присвоили каких-либо воинских званий, хотя мы и обучались в училище по офицерской программе и прошли полный курс учебы. Для большинства из нас мечта стать лейтенантом была утрачена навсегда. Мы были просто рядовыми солдатами.

Дивизии предстояло принять участие в боях за освобождение Смоленска. Во второй половине августа началось наше передвижение, как правило, изнурительными ночными маршами, в сторону Смоленска. После ночных переходов мы днем где-то располагались, отсыпались, насколько это было возможно, а ночью снова шли, и так в течение длительного времени.

Самому мне довелось участвовать в боях севернее Смоленска, развернувшихся после освобождения города Духовщина (это один из районных центров Смоленщины, который считался ключевым в военном отношении). Здесь-то я и узнал, что такое настоящая война.

Об этих фронтовых днях можно много рассказывать. В первых же боях, которые пришлось вести нашему батальону, мы и были обстреляны впервые. Надо было отбивать у немцев деревню за деревней. Наступательная операция для пехоты – вещь непростая. Это потери, потери, потери... На второй день группа связистов во главе с командиром взвода старшим лейтенантом В.А. Березиным попала под минометный обстрел – немцы нас заметили, и накрыли всю группу. Двое были тяжело контужены, в том числе и командир взвода. Одному из моих друзей перебило осколками обе бедренные кости. Мне пришлось его перевязывать. Это была страшная перевязка.

Командование взводом в дальнейшем легло на меня. Не имея большого практического опыта в обеспечении связью стрелкового батальона, мы вместе с моими товарищами по училищу (в основном они были в составе взвода) выполнили эту задачу в боях сложных, требующих и смелости, и отваги. В эти дни я был представлен к награде медалью «За отвагу». И до сих пор для меня, конечно, это самая дорогая награда. К ней позже, когда я уже вернулся в Москву, прибавилась медаль «За оборону Москвы» в память об осени – зиме 1941-1942 гг.

В сентябре в боях за освобождение Смоленска полк понес большие потери. Командир нашего батальона капитан Гемов был ранен. Это произошло на моих глазах, поскольку я как связист находился рядом с ним. В отсутствие комбата решили, что лучше собрать всех оставшихся в строю офицеров и солдат из двух батальонов в один. Поэтому сразу же после взятия Смоленска солдаты и сержанты нашего 3-го батальона были переданы в состав 2-го батальона. Мне пришлось на время войти в состав расчета 82-миллиметрового батальонного миномета, таскать достаточно

тяжелую опорную плиту миномета (весила она 19 кг) и участвовать в боях в качестве минометчика (я был «третьим номером»). Примерно в октябре, после боев под Смоленском полк получил короткий отдых и пополнение, что позволило восстановить его в близком к первоначальному составу. Был восстановлен как самостоятельная единица и наш 3-й батальон, я вернулся во взвод связи.

Надо сказать, что, помимо выполнения функций связиста во взводе связи, я был и заместителем комсорга батальона. Поздней осенью я вступил кандидатом в члены ВКП(б). Меня могут спросить, как я отношусь сейчас к вступлению в партию в то время. Я согласен с мнением, что вступление в партию на фронте повышало ответственность людей, таким людям давались более серьезные, более опасные задания, чему я сам не раз был свидетелем.

После освобождения Смоленска дивизия была повернута в сторону Витебска и участвовала в боях за районный центр Каспя, города Рудня и Лиозно (последний – уже на территории Белоруссии). Поздней осенью мы вышли на подступы к Витебску. Начались тяжелые затяжные бои с попытками прорвать немецкую оборону, взять Витебск. Наша дивизия была в числе армейских частей, участвовавших в этих боях.

На этом направлении долгое время, в течение нескольких месяцев, шли бои за никому неизвестную станцию (на самом деле – полустанок) Крынки, находящуюся неподалеку от Витебска (на расстоянии двух железнодорожных перегонов). В этих боях наши войска несли немалые потери. Позднее я узнал, что главной целью этих операций была попытка перерезать железную дорогу между Витебском и Оршей, по которой немцы осуществляли обеспечение своих войск.

Нашими войсками было предпринято несколько безуспешных попыток прорвать фронт и овладеть не только станцией Крынки, но и Витебском. Лишь в летней операции «Багратион» в конце июня – июле 1944 г. эта задача была выполнена.

За Витебск, один из главных опорных пунктов линии немецкой обороны в восточной части Белоруссии, враги держались буквально зубами. Немцы успели хорошо подготовиться к обороне, и вдоль восточной границы Белоруссии (к западу от городов Полоцк, Витебск, Орша, Гомель, Могилев) у них была построена мощная, глубоко эшелонированная оборонительная линия. Бои здесь продолжались с октября 1943 г. до июня 1944 г. Попытки про-

СВЯЗИСТ НА ПЕРЕДОВОЙ

рвать эту линию на полную глубину оказывались неудачными. Одно из таких крупных наступлений, ориентированное на прорыв этой линии, началось 23 декабря 1943 г.

Утром того памятного для меня декабрьского дня началось решающее наступление. Мы были на расстоянии всего лишь 15–20 км от Витебска около станции Крынки. Я к этому времени уже в течение нескольких дней находился на дежурстве на наблюдательном пункте батальона и видел довольно хорошо начало операции и первые атаки. Сразу же после мощной артподготовки с применением ракетных установок «Катюша» пехотные роты сходу захватили передовые позиции немцев. И тут с командного пункта батальона во взвод связи поступил сигнал: оба телефониста, принимавшие участие в захвате линии обороны, ранены, и надо восстановить связь с наступающей ротой. Сделать это приказали мне.

Свой бросок через бывшую нейтральную полосу шириной в несколько сотен метров я и сейчас помню до малейших подробностей. Обстановка осложнялась тем, что делать короткие перебежки и ползти приходилось по покрытой снегом земле. А, значит, я представлял собой хорошую мишень для немецких стрелков, ведших огонь с левого фланга. Свист и следы трассирующих пуль при моих коротких перебежках ясно свидетельствовали об этом, я все время находился под обстрелом. Выручила хорошая солдатская выучка, в том числе умение ползать по-пластунски, и я невредимым добрался до бруствера немецкой траншеи. На меня с удивлением смотрели наши пехотинцы, захватившие этот рубеж ранее.

Меня спросили: «Ты что, ранен?» Я ответил: «Нет. Я связист». На мой вопрос, что лучше: передвигаться ползком или перебежкой, мне ответили: «Решай сам». Заметив место, где бруствер был пониже – это была площадка для немецкого пулемета, я решил, что

тут легче будет переползти, чтобы снайпер меня не зацепил. Как только я вполз на эту площадку, почувствовал сильный удар в ногу и понял, что ранен. Свалившись в траншею, тут же сказал пехотинцам, что пуля все-таки меня настигла. Старший группы посоветовал мне поскорее уходить отсюда, поскольку немцы могли пойти в контратаку. Пройдя довольно значительное расстояние по немецкой траншее самостоятельно, опираясь на винтовку, я попал в руки наших санитаров. Вечером того же дня был доставлен в санитарный батальон, где мне сделали операцию. Я думал, что ранение не слишком серьезное, что скоро вернусь в нашу часть. Но ранение оказалось тяжелым, и я попал в один из московских госпиталей. Стало ясно, что на фронт мне уже не вернуться, и я связался со своим институтом, и мне привезли учебники. В госпитале я находился на лечении до 16 апреля 1944 г., когда был выписан из него по инвалидности. Осенью 1944 г., немного подлечившись, я стал студентом Московского гидромелиоративного института, где в дальнейшем и продолжил учебу.

После войны я дважды посетил свои боевые места, и многие их участки прошел пешком. В одной из этих поездок я задался целью найти места захоронений бойцов из нашей дивизии. Хотел хотя бы фамилии увидеть. В районном военкомате, куда я обратился, заместитель начальника районного военкомата предоставил реальную информацию о местах захоронений и численности погибших в районе боевых действий дивизии, в том числе по захоронениям в районе станции Крынки. Около самой станции Крынки и в ближайших деревнях погибли более 14 тысяч человек, причем примерно 5,5 тысяч похоронены в братской могиле у станции Крынки.

И это лишь один из примеров того, чего стоила нам победа в Великой Отечественной войне.

ВАСИЛЬЕВ Олег Федорович – действительный член РАН, доктор технических наук, профессор, советник РАН, Новосибирский филиал Института водных и экологических проблем СО РАН, г. Новосибирск. Тел.: (383) 330-37-57, (383) 330-84-84. E-mail: vasiliev@ad-sbras.nsc.ru

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРЕ**

FIELD WIREMAN AT THE FIRING LINE

OLEG F. VASILIEV

Abstract. Memoirs by full member of the Russian Academy of Sciences, a leading scientist in the hydrodynamics and hydraulics O.F. Vasiliev of his participation in combat operations of the Great Patriotic War.

Keywords: O.F. Vasiliev, academician RAS, geology, Great Patriotic War, memoirs.